

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Отдел переводов IslamUmma и UmmaNews

Представляет

Айман аз-Завахири

Дагестан – освобождение после отчаяния

Первая часть пятой главы из книги
«Рыцари под знаменем Пророка, ﷺ»

Первое знакомство с Исламским Кавказом

Моё первое знакомство с Исламской Чечнёй произошло через общение со степенным человеком, знакомым моей семье, по имени Бакир Бек. Я увидел его в доме одного из моих родственников, когда он подружился с моим отцом. Отец приглашал его к себе на ифтары в Рамадан. Бакир Бек был из Исламского Кавказа, но я не знаю, откуда точно. В то время я не знал в деталях о Кавказе. Бакир Бек был из числа муджахидов, которые сражались против русских на Кавказе, а затем он бежал в Турцию, во время Первой Мировой Войны. Он рассказывал о своём шоке, когда увидел, как христианские войска оккупировали столицу Халифата. Затем он переехал в Египет и поселился там, работая на различных работах, последней из которой была продажа серебряных драгоценностей.

Бакир Бек был серьёзным и обладающим чувством собственного достоинства человеком. У него были серые волосы и большие усы. Он был крепкого телосложения, свободно говорил на арабском, но с акцентом, который похож на акцент турков. Несмотря на то, что ему было 70-80 лет, он соревновался с нами, с молодыми, в своей силе.

Иногда он навещал моих родственников, надевая кавказскую одежду, и он не уставал говорить о трагедии Исламского Кавказа и Джихаде мусульман против русских царей и коммунистов. Он также распространял буклеты о притеснении мусульман на Кавказе. Иногда пел нашиды о Пророке, ﷺ, своим сильным голосом, затем надевал кавказскую одежду, вытаскивал свой кинжал и, танцуя, выкрикивал: «Ля иляха илля-Ллах».

Он жил в маленьком доме на площади Алаба возле рынка Зи-ль-Огут, который также известен как «Бауаки Алатаба», и я помню, что, когда однажды пришёл к нему, он указал мне на окно, которое выходило на площадь, и сказал:

«Придёт день, и Ислам победит, и я поставлю на окно пулемёт и буду стрелять в кафиров и говорить: «Ля иляха илля-Ллах».

Причиной, по которой моя семья знала Бакир Бека, была дружба с семьёй аль-Амруси Бека. Аль-Амруси Бек был степенным человеком, работавшим в посольстве Египта в Саудовской Аравии, а мой дедушка – Алляма Абдульваххаб Аззам – был послом в Египте. В Медине аль-Амруси Бек женился на одной из внучек имама Шамиля по имени Зубейда Ханум. Зубейда Ханум стала подружкой моей бабушки и тёти, она была женщиной, которая очень гордилась историей своих предков и своей культурой и много говорила о них. Через аль-Амруси Бека и Зубейды Ханум моя семья познакомилась с Бакир Бекем, который, несмотря на своё положение и статус, вёл себя как послушный подчинённый Зубайды Ханум.

В старости Бакир Бек отправился в Турцию, где воссоединился со своей семьёй после долгой разлуки. Он умер до того, как распался СССР, и Чечня обрела независимость.

Я вспоминал Бакир Бека очень часто во время заключения в Дагестане. И представлял, как он пришёл бы на Кавказ и участвовал бы в битве за Чечню против России.

Мы просим Аллаха быть милостивым к муджахидам-мухаджирам и ко всем мусульманам.

(Я хочу, чтобы прочитавший эту книгу выслал мне информацию о Бакир Беке, даже посредством Интернета, и я прошу передать мои приветствия его семье).

Фотография др. Аймана аз-Завахири с поддельного суданского паспорта, который он использовал для проникновения в Россию в 1996 г.

Вступление

«Кто отвечает на мольбу нуждающегося, когда он взывает к Нему, устраняет зло и делает вас наследниками земли? Есть ли бог, кроме Аллаха? Мало же вы поминаете назидания!» (27:62).

Весной 1996 началась новая волна гонений на муджахидов-арабов, спланированная Америкой и применяемая подчинёнными ей режимами.

Шейх Усама бин Ладен – да сохранит его Аллах – был вынужден переселиться в Афганистан, совершив путешествие, полное опасностей.

Мы решили отправиться в путешествие по земле, предполагая, что найдём место, где сможем вести работу, пользуясь тем опытом, который даровал нам Аллах в маскировке и путешествии.

Осенью 1996 года мы поняли, что в этом движении больше минусов, чем плюсов, и что мы сможем принести пользу движению Джихада в том случае, если найдём безопасную базу для муджахидов, где сможем вести работу в свободной и безопасной обстановке, принесёшь тем самым пользу себе и братьям.

Перед нами был выбор: либо Афганистан либо Чечня. У нас не было информации о том, что происходило в Афганистане, нас беспокоила гражданская война в Афганистане, и мы боялись быть втянутыми в эту войну против нашей воли. На нас могли напасть группировки, поддерживаемые американцами или пакистанцами, особенно группировки Бурхана Алдина Раббани, который во время своего визита в Египет говорил, что необходимо покончить с террористами. Он сам нуждался в защите, но это было сказано из-за желания предложить свои услуги, чтобы заработать довольство новых хозяев мира.

Мы решили отправиться в Дагестан. Мы въехали туда тайно и были арестованы в Дербенте.

Мы увидели там сорок могил. Местные говорили, что это 40 сахабов – да будет Аллах доволен ими. Мы посетили эти могилы, когда возвращались после освобождения из тюрьмы.

У нас не было виз для въезда в Россию, так как Дагестан считался её частью. Милиция передала нас ФСБ, которые в свою очередь передала нас пограничникам, и через несколько часов мы были в тюрьме пограничников под охраной русской армии.

Нас обвиняли в незаконном проникновении на территорию Российской Федерации, но у них не было оснований подозревать нас в связях с муджахидами. У нас было две проблемы: первая – это преступление закона – проникновение в страну без визы; вторая была связана с тем, что они могли узнать, кем мы были на самом деле.

Мы решили выбрать меньшее из двух зол и выдали себя за продавцов, которых обманули и ввезли в страну без визы в обмен на деньги. Мы сказали, что у нас торговая компания и пришли в Дагестан для налаживания торговых связей. Мы рассказали следователям о деталях нашего путешествия. Изменив некоторые моменты, мы сообщили правдивую информацию о нашем маршруте. Это заставило следователей поверить нам, и было решено открыть уголовное дело. Затем они решили перевести нас в центральную тюрьму в столице Дагестана Махачкале. Началось следствие, и мы повторяли ту же самую историю. Затем нас вызвали в ФСБ и допрашивали по отдельности. Мы повторили свою историю и следователи поверили в то, что мы просто зашли в страну без визы. Наши документы передали в суд, и мы ожидали решения суда четыре с половиной месяца.

В это время мы были почтены добром, защитой и заботой Аллаха, за которые мы не можем полностью отблагодарить Его.

«Воистину, мой Господь добр, к кому пожелает. Воистину, Он – Знающий, Мудрый» (12:100). В течение шести месяцев в дагестанской тюрьме я много размышлял. И когда один из братьев

спрашивал меня о том, почему я так часто вспоминаю этот период, то я отвечал, что извлёк из него много уроков.

Размышления в тюрьме

«Он облагодетельствовал меня, освободив из темницы» (12:100).

«Он сказал: «Господи, за то, что Ты оказал мне милость, я никогда не буду пособничать грешникам» (26:17).

Как я уже упоминал, мы были арестованы в Дербенте и затем были переведены в тюрьму погран-заставы в Дагестане, где на нас было открыто дело. Они начали расследование, обвинив нас в пересечении границы Российской Федерации без визы.

Это был мой первый контакт с российской армией изнутри. Во время следствия мне было больно видеть офицеров с исламскими именами. Ведь увидеть истину – не то же самое, что слышать о ней. Это убедило меня в том, что самыми опасными нашими врагами были местные марионетки, сторонники лжи и их солдаты, которые называются нашими именами и говорят как мы, они являются клыками и когтями, идущими стопами и тиранической рукой, которую использует враг против нас, будь это офицеры русской армии или египетской службы безопасности.

Я много думал о народах, которые были подавлены русскими и о том, как они исказили свою религию, жизнь, вероубеждение и социальную систему. Они превратились в уродливую фигуру желяющих Ислама, который прогибаются под русской репрессией. Я понимал, что весь регион находится в большом хаосе, в поиске идентификации и своей судьбы. И поэтому я понимал и понимаю величие чеченского Джихада, который дал жизнь Исламскому Кавказу.

Тюрьма была ужасной. Это был грузовой контейнер, переделанный в две камеры. Мы были необычными людьми в тюрьме. На нас смотрели как на врагов, но была также и некая симпатия со стороны офицеров-мусульман, которые старались осторожно показать, что у них нет вражды по причине религии. Но, тем не менее, мы были врагами. Этот этап не прошёл без проявления Божественной милости. Многие заключённые сочувствовали нам, большинство из них были контрабандистами из приграничных регионов. Они давали нам советы, некоторые из них пытались быть посредниками между нами и офицерами из отдела расследования, помогая решить наши проблемы. Мы договорились, что дадим деньги в обмен на то, что нас вывезут из страны. Но наше дело привлекло внимание, и о нас сообщили по центральному телевидению в новостях, поэтому нас перевели в тюрьму МВД.

Мы занимались призывом заключённых к молитве и учили их коротким сурам. Мы обнаружили, что многие из них были мусульманами лишь по именам, они даже не могли правильно прочесть суру «аль-Фатиха».

Мы были в неизвестном мире, о котором ничего не знали. И у нас не было ничего кроме сочувствия заключённых. А что касается отношения администрации, то, как сказал Тарик бин Зияд своим солдатам: «Как сироты на банкете негодяев».

Мы узнали, что многое можно купить за деньги. Русские солдаты спрашивали нас: «У вас есть доллары? Хотите водки, хотите сигарет?». Они продавали это всё другим заключённым. Однажды, когда у одного из нас начались судороги, пришёл доктор с медсестрой, и они сделали укол больному. В это время заключённые спокойно покупали у них транквилизаторы и успокаивающие.

Нас перевели в столицу Махачкалу, в центральную тюрьму. С нами обходились как с обычными заключёнными, и, несмотря на весь кошмар, это вселило в меня уверенность. Я был доволен тем, что наш случай рассматривался как обычное преступление. Мы очутились в подземелье Дагестана – среди воров, убийц и мошенников.

Нас отправили на карантин. Там было много камер; нас поместили в последнюю. Это была прямоугольная камера размером пять на десять. Слева от входа – деревянная скамья, которая была на высоте одного метра над землёй. Под неё собирали мусор, и там были крысы. Она шла вдоль комнаты и была шириной в два метра. Это были кровати заключённых. Всего в камере было 15 человек, которые поприветствовали нас, и они стали ещё более радушными, когда узнали, что мы были арабами. Свободным оказалось место в конце, это было ужасным местом – оно находилось возле большого окна с выломанным стеклом, а на дворе была зима.

У нас был только шерстяной платок. Всем заключённым из спальных принадлежностей были выделены только одеяла.

В углу комнаты был кран с умывальником и рядом был туалет с недоконченным ограждением высотой в один метр. Заключённые закрыли его пакетами и кусками ткани. Это не было настоящим туалетом, это была труба в полу, которая шла с верхнего этажа. И когда слышался звук воды льющейся сверху, надо было быстро уйти в сторону, иначе на человека попадали нечистоты из этой трубы.

Если не обращать внимания на это, то атмосфера была очень дружелюбной и весёлой. Заключённые делились с нами едой, чаем и маслом, ценность, которых понимаешь только, когда кушаешь эту еду на холоде в тюрьме.

Когда наступило время молитвы, мы дали Азан и икама для молитвы и стали созывать заключённых к молитве, некоторые из них ответили на призыв, а остальные отказались, приведя различные оправдания, но они проявляли при этом дружелюбие и понимание.

Мы познакомились с уровнем коммуникаций в тюрьме. Вся тюрьма была в курсе того, что прибыли арабы.

На следующий день, заключённые объяснили мне, что на верхнем этаже сидит русский, который работал в банке, и он знал английский. Я написал ему письмо, объясняя свою историю, что мы торговцы, которые прибыли без визы. Я получил от него юридические советы, и он объяснил, что наше дело простое, но нам надо сделать следующее: первое – позвонить в своё посольство, второе – не говорить о своём деле кому-либо, потому что в тюрьме полно шпионов.

Несколько дней мы пробыли в этой холодной, но в то же время с атмосферой дружелюбия камере. Заключённые просили нас написать им молитвы, и мы диктовали им на арабском, а они написали это всё так, как произносится на русском, без понимания смысла.

В один день нас отвели в отдельную комнату, где сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, и затем отвели обратно. Мы ничего не понимали, и я сказал братьям, что возможно из-за того, что мы иностранцы, они отошлют наши фото и отпечатки пальцев в Интерпол. Тогда они могли раскрыть меня, так как в Интерполе есть мои фото и отпечатки пальцев. И я сказал: «Мы должны возносить ду'а и молиться, все причины закончились, и у нас остался только Господь всех причин».

«Кто отвечает на мольбу нуждающегося, когда он взывает к Нему, устраняет зло и делает вас наследниками земли? Есть ли бог, кроме Аллаха? Мало же вы поминаете назидания!» (27:62).

Это был для нас практический урок в деле надежды на Аллаха, который показал нам иллюзорность любой силы, кроме силы Аллаха. Разведка в России – великая сила, и от упоминания одного имени российской разведки люди трясутся, они думают, что эта разведка следит за каждым дыханием созданий, и убивает многих оппонентов на Западе. Мы же оставались в подземелье её тюрьмы в течение шести месяцев, и они ничего о нас не знали.

«Аллах властен вершить Свои дела, однако большинство людей не ведаёт об этом» (12:21).

Спустя несколько дней нас привели к администрации для того, чтобы распределить по камерам. Нам дали каждому по одному одеялу, которые были почти прозрачными, тощую подушку и матрас, одну чашку и ложку, после чего отправили в камеру, которая никогда не выйдет из моей па-

мяти, так как мы провели в ней оставшиеся шесть месяцев, пока Аллах не почтил нас своей Милостью и Величием.

Когда охранник открыл двери, то мы были удивлены тем, насколько тепло было в камере с деревянным полом, также в ней был свет и большое окно. Посреди комнаты стоял деревянный стол, по краям которого было две скамьи; в углу был умывальник и туалет с недоконченной оградой высотой в метр. Одежда людей в камере была чистой, лица чисты. Было видно, что они спокойны, и их дела были улажены. Камера была восемь метров в длину, в ней было двадцать заключённых. По обеим сторонам комнаты стояли двух-трёх этажные кровати.

Как только мы вошли, я радушно помахал рукой и сказал: «Ас-саламу `алейкум», они ответили на салам и сразу же подошли и предложили сесть. Они были удивлены, что мы были арабами и стали готовить чай так, как это принято у них, когда приходит новый заключённый.

Позже мы узнали, в чём секрет чистоты заключённых и их одежды – большинству заключённых родственники с воли передавали одежду, еду и мыло, без которых жизнь в тюрьме становится трудной. Тюремщики давали заключённым хлеб, чай, сахар и два горячих блюда – одно утром, а другое в полдень. Давали бобы или зерно, от которых пучило живот. В полдень к этой еде могли добавить мятый картофель, который любили заключённые, или суп, который, как утверждали тюремщики, были из цыплёнка или рыбы, но в котором были только их остатки.

С наступлением времени молитвы магриб один из нас встал в центр комнаты и произнес азан на вечернюю молитву. Азан был подобен удару током. Звонкий голос азана привлёк внимание обитателей комнаты, и когда мы решили положить что-нибудь на пол, чтобы совершить молитву, в комнате началось странное движение.

Некоторые из заключённых подошли к нам и сказали, что пол был нечистым, поэтому не следовало на нём молиться. Они позвали нас совершить молитву на верхних кроватях. Мы совершили молитву с ними, и они выбрали меня имамом в намазе. Они ни разу не совершали до этого коллективную молитву.

Заключённые, на чьих кроватях мы совершили молитву, и те, кто были старшими в комнате, сделали перестановку и собрали тех, кто хочет совершать молитву в джамаате в одну часть комнаты, а остальных поместили в другую часть.

Таким образом, по милости Аллаха, мы могли совершать пятикратную молитву в джамаате. Мы начали призывать тех, кто не молился, пока все обитатели комнаты – за исключением одного или двух – не стали совершать молитву с нами, по милости Аллаха, и они открыли свои сердца нашему призыву.

Мы увидели, насколько люди на Кавказе желают вернуться в Ислам, и как они ценили Ислам в своих сердцах. Мы также увидели, как они ценили щедрость, прощение, отвагу, достоинство и свою увлечённость в спорте, особенно в атлетике и борьбе.

Этап пребывания в тюрьме был также и этапом обучения методам призыва, особенно методам призыва обычных людей, с которыми муджахиды слабо знакомы, но которые являются основным элементов в мобилизации масс на сражение в любой среде.

Я заметил несколько интересных моментов в сфере даавата. Например, я помню, что я был имамом комнаты, и ко мне подошёл человек, который считался смотрящим по комнате. Его обвиняли в убийстве, на воле он был бизнесменом и много путешествовал. Он также совершил хадж и был очень умным. Он очень уважительно к нам относился.

Этот мужчина подошёл ко мне и спросил: «Почему ты не делаешь тасбих после молитвы?» Я ответил ему: «Я делаю, но тихо». Он сказал: «Но имам мечети в нашей деревне делает его громко, и мы повторяем за ним. Поэтому и ты делай громко, чтобы мы повторяли за тобой».

Я понял, что не было смысла объяснять ему о том, что это нововведение. Я с трудом понимал его, и он бы не понял что такое нововведение вообще, и что ещё хуже, мог обвинить меня в ваххабизме. А если тебя назовут ваххабитом, то можешь попрощаться с собой и со своими отношениями с другими. И после того, как меня называли бы ваххабитом, от меня ничего не принималось бы, я больше не смог бы быть имамом комнаты, и более не было бы молитв в джамаате, это благосло-

венное объединение людей исчезнет, и мы упустим свои возможности. Поэтому я сказал, что сегодня их надо призвать к обязательной молитве, а завтра они узнают о сунне, и не будет никакого вреда.

Я ответил ему: «Хорошо, я буду делать тасбих вслух». Затем он продолжил задавать вопросы и сказал: «Почему ты не читаешь аят «аль-Курси» вслух?» Я ответил: «Я читаю, но тихо». Он сказал: «Нет, читай его громко, ведь имам в нашей мечети поступал так, потому что мы не могли читать». Я ответил: «Хорошо. Я буду читать громко». И он сказал: «Почему ты не читаешь дуа после молитвы?». Я ответил: «Я читаю дуа тихо». Он сказал: «Нет, дуа надо читать громко, ведь имам в нашей мечети читает его громко, а мы говорим “аминь”». «Хорошо, буду читать дуа громко», – сказал я. И я соглашался со всем, о чём он говорил. Я надеялся смягчить их сердца и собирал их для совершения коллективной молитвы, и я возносил дуа за победу Ислама и муджахидов, а они говорили «аминь», не понимая моих слов. Я видел, как они говорили «аминь» на мои дуа, и желал, чтобы это было причиной принятия дуа.

Я помню, одного из заключённых, который был уже в возрасте. Его обвиняли в совершении автомобильной аварии, которая повлекла за собой смерть многих людей. Он не знал о религии, кроме того, о чём ему рассказывали.

Этот человек подошёл ко мне и сказал: «Сегодня годовщина смерти моей матери. До ареста я совершал жертвоприношение в этот день, я готовил ей и приглашал Шейхов почитать «Ясин», и справлял маулид, и посылал награды за это душе моей матери. Теперь я в тюрьме, я хочу, чтобы ты был добр ко мне, и чтобы после вечерней молитвы мы собрались, а ты бы почитал суру «Ясин» и сделал дуа для моей матери».

Я не знал, что ответить ему. Если я скажу, что это бедаат и не буду делать, то он не поймет, и не примет того, что я скажу, и подумает, что я проявляю чрезмерность и невежество и не уважаю его чувств, потому что не желаю милости для его матери. И хорошо, если меня не назовут ваххабитом.

Поэтому я сказал ему: «Хорошо, после магриба, ин-шаа-Ллах». После магриба он сказал мне: «Позвать людей?» Я сказал: «Потерпи».

После завершения азкаров и совершения молитвы сунны, я сказал ему: «Позови кого желаешь». Он собрал четверых из комнаты, и я сел с ними. Я прочел суру «Ясин» и маленькие суры, и мы вознесли дуа за его мать, за себя и всех мусульман. Когда я завершил, то он был очень счастлив, сильно благодарил меня и сказал, что я оказал ему большую услугу. Я сказал ему: «Но я хочу объяснить тебе кое-что важное. У твоей матери есть большее право на тебя. Ты выделяешь всего лишь один день в году, чтобы вознести дуа за неё, и, таким образом, нарушаешь её право. Ты должен возносить дуа за неё каждый день». Он послушно согласился и я добавил, что выделять особый день для дуа неправильно, и что надо каждый день просить о её прощении, и он охотно согласился со мной.

Спустя несколько месяцев азана и молитв в джамаате мы стали слышать азан из других камер. Это вселило в нас надежду, что мы оживили сунну азана и джамаата в нашей камере. Однажды мы услышали, как из одной из камер, находящихся через одну-две камеры от нашей, доносился звук громкого зикра, который был Суфийским Хадра. Когда мы спросили о причине этого, нам ответили, что в этой камере сидит суфий, который совершает периодически хадра. Мы возблагодарили Аллаха за то, что он не был с нами в одной камере, иначе мы столкнулись бы с проблемами.

В тюрьме был один заключённый, который был очень одарённым человеком. Его обвиняли в похищении людей. Он не был обычным заключённым: обладая лидерскими задатками, он был образованным и закончил стоматологический факультет. Его называли «доктор». Похоже, что он был главой бандитской группировки – даже в камере у него была своя группа. У него была парализована нога, и он пользовался тростью. Он хитро сказал мне: «Я немощен и слаб». Я ответил: «Сила человека в его сердце и разуме, а не в теле». Он посмотрел на меня и хитро улыбнулся. Я спросил

его: «Ты знаешь об Умаре Мухтаре?». Он ответил: «Да, я видел фильм о нём. По телевизору показывали переведённые на русский арабские фильмы». Я сказал ему: «Он сражался с итальянцами до 90 лет. Затем его поймали и повесили».

Много раз мы призывали его на молитву, он же извинялся и говорил, что в следующий раз. Он был дружелюбен и весел с нами. Однажды нам принесли в камеру несколько Коранов с переводом на русский. Он поспешил взять Коран, но один из заключённых проворчал на него: «Зачем тебе Коран? Ты все равно не молишься». Его гордость была задета, и он ушёл, расстроившись. Однажды я спросил его: «Почему ты не читаешь перевод Корана?» Он ответил: «Я не хочу». «Почему?», – спросил я. «Потому что такой-то сказал, что мне не нужен Коран, раз я не совершаю молитву». Я ответил ему: «Коран принадлежит Аллаху, а не кому-либо из людей». Он обрадовался и сказал: «Правда? Он не принадлежит кому-либо из людей?». Я ответил: «Конечно же». Он спросил: «А могу ли я взять Коран?». Я ответил: «Конечно же».

Спустя время он позвал меня и попросил научить его арабским буквам. Я ответил на его просьбу и сидел с ним час или два, пока он не устал. Он писал буквы на арабском и произносил на русском. Когда я обучил его всем буквам, он всю ночь провёл без сна – он всю ночь заучивал арабские буквы.

Когда он запомнил их, то сказал мне: «Посмотри, как я беру омовение». Я встал рядом, и он правильно взял омовение, а затем сказал мне: «Я хочу, чтобы ты научил меня суре “Ясин”». И я сидел с ним много времени. Он читал букву за буквой с большими трудностями, пока не уставал. И мы продолжали на следующий день. Так продолжалось, пока он полностью не прочел суру Ясин и уже мог читать её один. Но он всё ещё не совершал с нами молитвы. Я говорил себе, что возможно наставлю его посредством любви к Корану.

Однажды, когда он спал, в камеру зашёл офицер и позвал его: «Просыпайся, пришёл приказ о твоём освобождении». Он ответил: «Уходи, заканчивай со своими шутками». Офицер спросил: «Ты мужик?». Он ответил: «Конечно же». Офицер спросил: «Отблаговаришь ли ты меня, если это правда?». Он ответил: «Конечно же». Он сказал: «Иди и сам посмотри». Он показал ему приказ об освобождении. Этот человек подошёл к двери камеры, опираясь на свою трость, и не поверил, увидев подтверждение прошения об освобождении по причине слабого здоровья. Прошло много времени с тех пор, как он написал его, но ответа не было. Я подошёл к нему и поздравил его, затем, когда он собрал свои вещи и подошёл попрощаться, то сказал мне: «Я хочу, чтобы ты дал мне что-то». «Что?», – спросил я. «Я хочу, чтобы ты дал мне Коран». Я сказал, что он может взять его. И его счастье было не больше моего.

Условия жизни в тюрьме были ужасными в первый период. У нас была только одна одежда, и в этой одежде мы ходили несколько месяцев. У нас не было мыла, кроме тех огрызков, что раздавали в тюрьме всем заключённым. Был морозящий холод. Мы питались только тюремной пищей. Наши товарищи по камере делились с нами из того, что приносили им семьи. Один из них иногда отдавал всё, что ему приносили из дома.

После тяжёлого периода наступило время, когда братья стали помогать нам. У нас появились одеяла, зимняя одежда, еда и лекарства, это всё было облегчением от Аллаха.

Необходимо отметить, что дагестанское общество является взаимосвязанным, и люди связаны со своими семьями, родами и нациями. Поэтому семьи заключённых стараются оказать помощь и поддержку.

Противоположным было положение русских в тюрьме. Мы находились в разное время с четырьмя русскими. Их положение было ужасным. Они жили на подачках своих товарищей, одному из них было более 70 лет. У него было слабое зрение, и его силы были на исходе. Его обвиняли в убийстве дочери. Мы оказывали ему поддержку вместе с другими той едой, что была у нас. Он ругал российское правительство. Он сражался за Россию во время второй мировой войны, и у него были награды. А теперь в старом возрасте он был предан забвению.

Население Дагестана было чуть более 2.5 миллионов человек, но состояло из более чем 30 национальностей. Каждая национальность обладала своими особенностями, было очень много диалектов даже внутри одной национальности.

Самая большая по численности национальность – аварцы, нация имама Шамиля, они гордились этим и иногда приписывали себя к нему. Можно было услышать, как человек говорил, что он Шамильский. Аварцы составляют около 30 % населения Дагестана. За ними следуют даргинцы.

Имам Шамиль является национальным героем для всех дагестанцев и всех мусульман Кавказа. Но значение героизма имама Шамиля является смешением джихадистского значения и национального. Промосковское правительство проявляет уважение к нему как к национальному герою, который боролся против царя. Это умаление ценности имама Шамиля, который переселился со своей земли, возглавил чеченцев под знаменем Джихада и установил Исламский Эмират, официальным языком которого был арабский. Он сражался за весь Исламский Кавказ, который по значению шире, чем определённая нация, к которой пытается свести правительство Дагестана. Он являет собой дух освобождения дагестанцев после падения СССР. Они даже изменили название самой большой улицы в Махачкале с «Карла Маркса» на «Имама Шамиля».

Однажды я был вызван в ФСБ. Когда меня завели в здание, то отвели в маленькую комнату для ожидания, которая была похожа на комнату для охраны. В ней были маленькие кровати. Когда они заперли за мной дверь, я заметил за ней картину Имама Шамиля верхом на лошади с ружьём. Я подумал, что Имам Шамиль до сих пор сражается с русскими, даже внутри ФСБ.

В ходе следствия в ФСБ я заметил более чем в одном кабинете картины с Лениным. Я подумал, что, возможно, это были офицеры-коммунисты. Но разница была очевидна. Картина Ленина не приносила вреда тому, у кого она была. Картина Ленина была символом проигравшей эпохи, а картина Шамиля, которую прятали за дверь, была символом возрождающегося сопротивления, ин-шаа-Ллах.

В тюрьме стали свидетелями проявления национализма. Каждый, кто приходил в камеру сразу присоединялся к представителям своей национальности.

Российское правительство использует политику разделения на этнические группы и вопрос ваххабизма. Дагестанское радио постоянно говорит о чудовищности ваххабизма и приписывает ваххабитам всё плохое. Эта ложь подготавливается правительственными учёными, которые используют невежество простых людей Ислама.

Они заявляют, что муджахиды в Чечне и их сторонники – ваххабиты, которые являются наемниками в распространении терроризма, и так далее.

Распространению подобной пропаганды способствует поведение некоторых салафитов. Они занимаются вопросами бидатов и сражения с суфизмом, оставляя противостояние российской оккупации их страны, они оставляют призыв к применению Шариата и не принимают участия в даавате среди молодёжи в школах и университетах, ограничивая свой призыв только людьми своего окружения. Их жёсткая борьба против суфиев достигла степени войны. Я также видел, как один из них ругал мазхаб имама Шафии, ссылаясь на то, что происходит во время маулидов, и говоря, что это шафииты. Я возразил и сказал, что это ложь на шафиитов, и что мазхаб аш-Шафии самый большой мазхаб в Исламе. Но он не принял от меня и сказал: «Ты ничего не знаешь!».

С падением СССР социальная разруха затронула все страны, и Дагестан был одной из них. Распространились продажа алкоголя, организованная преступность и проституция. Люди находились между нестабильной обстановкой и падением зарплат. Взяточничество стало нормой вещей.

Взяточничество затронуло милицию, разведку и юстицию. Каждое дело имело свою цену. Тот, кто платил, освобождался, а кто не платил, его дело затягивалось на долгие годы, и для оказания давления предъявляемые обвинения усиливались.

Среди тех случаев, что я не забуду в отношении национализма, был следующий. Когда мы зашли в камеру, были удивлены, увидев иракского курда. Им был молодой парень двадцати лет. Он был очень счастлив нашему появлению. Несмотря на то, что он говорил на русском лучше, чем мы,

говорил с нами на чистом арабском. Ему не предоставлялась какая-либо помощь, кроме той, что давали сокамерники. У него была только своя собственная одежда.

Среди курящих в камере, к которым относился и наш друг-курд, был распространён обычай делить сигарету с другими. Делились со всеми, с богатыми и бедными. Это было связано с тем, что курящий мог оказаться в какой-то момент без сигарет, и ему давали покурить. Когда же он получал с воли сигареты, то делился с другими. И наш друг-курд пользовался этим обычаем. Между мной и этим курдом завязалась дружба и братство. Он стал одним из нас, и я считал его своим младшим братом. Он регулярно совершал молитву с нами. Я говорил ему о том, чтобы он бросил курить. Он обещал, что сделает это позже. Он открылся мне и рассказал о том, через что прошёл. Он и его семья были вынуждены уехать в Турцию, чтобы убежать от Саддама. Ему приходилось спать на снегу, положив маленького брата на ноги, ожидая, когда будет открыта дорога. Причиной его ареста в Дагестане была попытка с его стороны пройти в Россию нелегально вместе с другим курдом. Его привели в камеру спустя некоторое время. У него был брат в Украине, через которого они собирались перейти в Польшу или Словакию, а затем – в Германию, где собирались получить политическое убежище.

Я думал над тем, что мы оба перешли границу, оказались в тюрьме и испытываем тягости ради нашей религии, а он ради дуньи. Да примет Аллах от нас.

Однажды один заключённый шутник пошутил над ним и назвал его «Саддам». Наш курдский друг стал очень зол и сказал мне: «Я убью этого лжеца, я нападу на него». Я попытался успокоить его и сказал: «Он сквернослов и не знает разницы между Саддамом и курдами, для него все вы – иракцы. И если ты будешь убивать каждого сквернослова, то у тебя не будет жизни, и ты потратишь свою жизнь на глупцов». Я продолжал успокаивать его, пока он не утомился. К нам подошёл его друг, и иракец похвалил меня перед ним, сказав, что я удержал его от совершения преступления.

Шли дни, и мы пребывали в братской атмосфере. Однажды он по глупости поссорился с одним арабским братом. Араб был не прав, и я старался уладить вопрос между ними, но араб был упрямым, курд сильно разозлился и оставил молитву в джамаате, сказав мне: «Я не буду молиться вместе с этим человеком». Я попытался образумить его, но он сказал: «Это ваши арабские манеры, разве в Коране не сказано: **«Бедуины оказываются самыми упорными в неверии и лицемерии. Они больше других не признают ограничений, которые Аллах ниспослал Своему Посланию. Воистину, Аллах – Знающий, Мудрый»** (9:97).

Я сказал, что в этом аяте под арабами подразумеваются бедуины, и что в Коране также сказано: **«Среди бедуинов есть и такие, которые веруют в Аллаха и Последний день и считают, что их пожертвования приблизят их к Аллаху и помогут заслужить молитвы Посланника. Воистину, они (пожертвования) действительно являются средством приближения. Аллах введёт их в Свою милость, ведь Аллах – Прощающий, Милосердный»** (9:99).

Но гнев заставил его замкнуться в себе. Моё братство с ним продолжалось, но этот случай повлиял на него, и так продолжалось до тех пор, пока он не был выпущен со своим другом.

Я был расстроен, что одно безответственное действие могло привести к потерям плодов призыва и к закрытию дверей блага. Особенно, когда дело касается вражды между исламскими нациями, которые руководятся развратными правителями и врагами Ислама.

Глубокая рана у братьев-курдов вызвана действиями баасистов в Ираке, секуляристская политика курдских партий только подпитывала эту рану и рисовала картину, что все арабы являются злом, и единственное решение в разделении и отдалении от их обычаев, обращение к Америке и построение отношений с «Израилем». Поэтому, когда начинается спор между курдом и арабом, то эта рана открывается снова.

Как бы я хотел, чтобы мои братья-призывающие из числа курдов и арабов объяснили простым курдам значение братства в Исламе, что араб может превосходить курда только по причине богобоязненности.

Что Америка и «Израиль» являются врагами Ислама и мусульман, и они охотятся за каждым из нас. С другой стороны, участники Джихада и призыва должны в своих действиях и манерах быть моделью Исламского братства, которое смыло бы грязь этого наследия.

В тюрьме я видел, какой великий статус даётся Хаттабу в среде мусульман Кавказа, и как агенты разведки боятся его. Даже охрана тюрьмы говорила о нём со страхом и трепетом. Я завидовал этому статусу великого муджахида, который он получил по милости Аллаха, и спрашивал себя, какой грех я совершил, что попал в эту тюрьму и был лишен чести Джихада? Пусть Аллах наградит Своей милостью его и сделает нас его последователями в благом.

Не все дни в тюрьме были лёгкими; в тюрьме были тяжесть, беспокойство, проблемы и протесты против администрации. Хвала Аллаху в любом случае. Среди тягостей в этой тюрьме было то, что заключённым не разрешалось выходить из камеры более чем на час. Чтобы не было распространения туберкулеза, для каждой камеры был сделан отдельный дворик с высокими стенами. Тюремная охрана обыскивала комнаты ежедневно, также проводились и спонтанные обыски. Заключённым запрещалось общаться с другими камерами, но все равно в тюрьме поддерживался контакт между ними. Заключённым запрещено вставать с кроватей после 10 вечера. Также запрещено спать, укрывшись одеялом с головой после 6 или 7 утра. Если заключённый выходит из камеры, то он должен опустить голову вниз и сложить руки за спиной, приблизившись к изголовью своей кровати. Заключённому запрещено держать руки в кармане. Но мы игнорировали эти правила, потому что охранники кричали на нас и иногда ругались. Мы притворялись, что не понимаем их и продолжали нарушать эти установки. Нашей целью было нарушить эти правила.

Несмотря на всё это, на тюремную деградацию и страх быть разоблачённым, Аллах ниспослал на нас спокойствие и сохранил нас. Я нашёл для себя две книги на арабском. Одна из них была «Танбих аль-Гафилин» имама Абу-ль-Лейса ал-Самарганди, а другая была книгой по грамматике, в которой приводились вопросы и ответы от Шейха Багауддина ад-Дагестани. Я прочитал эти книги по несколько раз и извлёк из них пользу.

Книга «Танбих аль-Гафилин» была у одного хорошего человека из числа заключённых. Его дед по материнской линии был учёным. Коммунисты арестовали его, и он исчез как многие десятки тысяч учёных, пропавших в эпоху коммунистов. Его мать заставила обучаться исламским знаниям ради возрождения памяти о своём деде. Он провёл некоторое время в поисках знаний, затем занялся торговлей. Поэтому плохо понимал и говорил на арабском. Его арестовали, потому что в результате спора в одном из сёл он убил одного из жителей села. Он очень сожалел об этом, да простит Аллах его, нас и всех мусульман. Он любил нас и был щедрым.

Мне помогали в тюрьме сны, которые поддерживали меня. Я упомяну лишь два из них.

Первый сон мы интерпретировали как скорое освобождение. Один из нас увидел, что у него и ещё у одного человека, которого он не мог узнать, сломались очки. Спустя дни он положил очки в кровать, а другой заключённый сел на них и сломал. Я сказал, что это был первый знак. Спустя несколько дней, открылись двери, и зашёл тюремщик. Наш друг посмотрел на него и удивился, сказав мне, что это тот самый человек из сна. Я сказал ему: «Это второй знак, скоро будет облегчение».

Второй сон видел я. Я увидел человека, который сказал: «Шейх Усама бин Ладен приказал нам, что если мы попадём в трудность, то нужно просить у Аллаха посредством Его Величайших Имен (ал-Асма аль-Хусна). Я понял, что сон указывает на аят суры «аль-Араф»: **«У Аллаха – самые прекрасные имена. Посему взывайте к Нему посредством их и оставьте тех, которые отрицают Его имена. Они непременно получают воздаяние за то, что совершали»** (3:180).

И я записал Имена Аллаха на бумаге и возносил дуа посредством них, пока Аллах не даровал нам освобождение, и хвала Ему в начале и конце.

Это некоторые из моих воспоминаний, которые остались у меня об этой тюрьме. Там я жил с любовью, дружбой, братством в Исламе; однажды один из заключённых сказал мне: «Все, кто в этой комнате, любят тебя».

Я много размышлял о судьбе, которая привела меня в эту тюрьму, и о том, как Аллах вывел нас из неё. Я думал, возможно, это было курсом обучения в деле обращённости к Аллаху и в том, чтобы очистить своё сердце от обращения к кому-либо иному кроме Аллаха. И, возможно, мы были научены тому, чтобы обходиться малым, обучены призыву к основам Ислама, не вдаваясь в разногласия в фикхе, идеологии и политике. Мы были обязаны делать это, также как были обязаны вести Джихад на пути Аллаха. Возможно, Аллах желал, чтобы мы получили пользу, или чтобы другие получили пользу от нас, или, возможно, была какая-то другая мудрость, которую мы не поняли. И удивительно, что мы получили этот урок, находясь в руках нашего самого большого врага.

Я думал много о том, что это было во второй раз, когда я арестовывался, и когда мне угрожали либо высшая мера либо длительное заключение. И когда я выбирался из этого, против воли моих врагов, удивлялся предопределению Аллаха в отношении себя, и вспоминал слова Аллаха пророку Мусе, عليه السلام: «Мы вернули тебя к твоей матери, чтобы порадовался её взор, и чтобы она не горевала. Ты убил человека, и Мы спасли тебя от скорби и подвергли тебя тяжёлому испытанию. О Муса (Моисей)!» (20:40).

И аяты: «Если ты спросишь их: “Кто создал небеса и землю?” – они непременно скажут: “Аллах”. Скажи: “Видели ли вы тех, к кому вы взываете вместо Аллаха? Если Аллах захочет навредить мне, разве они смогут отвратить Его вред? Или же, если Он захочет оказать мне милость, разве они смогут удержать Его милость?” Скажи: “Довольно мне Аллаха. На Него одного уповают уповающие”» (39:38).

После того, как я выбрался из тюрьмы в Дагестане, у нас было два выбора: первый – продолжить наше путешествие в Чечню, и второй – вернуться к нашим братьям в Афганистан. Мы посоветовались, и один из нас решил продолжить путь в Чечню, и ему это легко удалось. Он присоединился к муджахидам и был с ними, пока Аллах не даровал ему Шахаду – да поведёт нас Аллах за ним в благом. Остальная группа решила вернуться к братьям, учитывая то, что мы получили новости об Афганистане и Талибанах. Поэтому мы отправились в разведывательное путешествие в Афганистан.

Др. Айман аз-Завахири